

Международные стандарты правового статуса обвиняемого и проблема полноты передачи семантики юридических терминов при переводе

А. А. Тарасов, В. И. Хайруллин, А. Р. Шарипова

Башкирский государственный университет, Институт права,
Российская Федерация, 450005, г. Уфа, ул. Достоевского, 131

Для цитирования: Тарасов, Александр А., Владимир И. Хайруллин, Алия Р. Шарипова. 2019. «Международные стандарты правового статуса обвиняемого и проблема полноты передачи семантики юридических терминов при переводе». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 260–273. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.205>

Сравнительный анализ англоязычного оригинала Европейской конвенции, ее официального перевода на русский язык, текста российского уголовно-процессуального закона и сложившихся в российской науке теоретических представлений об использованных в Европейской конвенции понятиях и терминах позволяет открыть дополнительные возможности для уяснения системного смысла международных стандартов прав человека и правосудия. Терминологическое обозначение в Европейской конвенции лица, подвергающегося уголовному преследованию и обладающего в связи с этим прямо перечисленным в Конвенции минимальным набором прав, в буквальном переводе выглядит как «обвиняемый» (*charged*). В официальном переводе Европейской конвенции на русский язык тоже использован термин «обвиняемый», хотя на самом деле содержащийся в ней минимальный набор прав согласно российскому законодательству распространяется не только на обвиняемого, но и на подозреваемого (ст. 47 и 46 Уголовно-процессуального кодекса РФ соответственно). Русский перевод в указанном случае сужает значение использованного в Конвенции термина, однако ее системный смысл требует расширительного толкования и самого этого термина, и объема прав российского подозреваемого и корреспондирующих этим правам обязанностей правоохранительных органов. В других случаях в русском переводе используются термины с более широким значением, нежели их английские аналоги: например, русское словосочетание «через посредство защитника» имеет более емкое значение, чем англ. *through legal assistance* (буквально «через юридическую помощь»). Анализ дословного перевода текста Европейской конвенции может быть полезен не только для правильного толкования ее положений, но и для практики защиты по уголовным делам в условиях современной российской правовой действительности.

Ключевые слова: обвиняемый, подозреваемый, защитник, защита, обвинение, подозрение, квалифицированная юридическая помощь.

1. Введение. Настоящая работа выполнена в русле сопоставительных и, в частности, сопоставительно-аксиологических исследований (Martin and White 2005, 12; Munday 2012, 16; Qian 2012, 1776). Несмотря на то что некоторые специалисты рассматривают данный подход как субъективный, неоднозначный или даже *ad hoc*, т. е. предназначенный исключительно для какого-либо конкретного случая (Colina

2013), он весьма продуктивен, иллюстративен и доказателен при сопоставлении и оценке качества и полноты перевода документов юридического характера, а также помогает определить в конкретных терминах, что же все-таки имеется в виду, когда речь идет о «хорошем» или «точном» переводе документа.

Аксиологические (оценочные) исследования по большей части касаются критического анализа опубликованных переводов документов, при этом особенно важно то, как оценивается качество перевода документа представителями целевой культуры (Kang 2017), т.е. культуры, на язык которой данный юридический документ переводится. Настоящее исследование затрагивает именно этот аспект проблемы.

Сопоставительно-аксиологический анализ текстов правовых документов (Melinger 2017, 310; Öner and Karadag 2016, 320), посвященных международным стандартам прав человека и составленных на разных европейских языках, позволяет выявить ряд весьма характерных переводоведческих и в то же время юридико-технических проблем. Язык оригинала документа, притом что он имеет международно-правовое (т.е. универсальное для многих национальных систем права) значение, на самом деле неизбежно придает содержанию документа смысловые оттенки, специфичные для правовой системы страны языка оригинала. Все официальные переводы того же документа, будучи призванными в точности передать смысл оригинала, на самом деле отражают законодательные и правоприменительные реалии правовой системы государства переводящего языка.

2. Основное исследование. Приведем фрагменты текста п. 3 ст. 6 («Право на справедливое судебное разбирательство») Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. с протоколами к ней (далее — Европейская конвенция, Конвенция) в оригинале и официальном переводе на русский язык:

3. *Everyone charged with a criminal offence has the following minimum rights:*
- a) *to be informed promptly, in a language which he understands and in detail, of the nature and cause of the accusation against him;*
 - b) *to have adequate time and the facilities for the preparation of his defence;*
 - c) *to defend himself in person or through legal assistance of his own choosing or, if he has not sufficient means to pay for legal assistance, to be given it free when the interests of justice so require <...>*

Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

- a) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;
- b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;
- c) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия <...>

Проведение сопоставительно-аксиологического анализа текста оригинала и его официального перевода возможно с различных позиций, в частности с точки зрения:

- *адекватности* перевода, обеспечивающей прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном уровне эквивалентности, который не допускает нарушения норм переводящего языка;

- эквивалентности, позволяющей воспроизвести содержание оригинала на приемлемом уровне;
- точности, при которой воспроизводится лишь предметно-логическая часть содержания оригинала при возможных отклонениях от стилистической нормы переводящего языка (Комиссаров 1990, 246, 250, 251).

Мы гипотетически принимаем, что перечисленные три параметра — адекватность, эквивалентность, точность — соблюдены в переводе анализируемого материала. Этого требует цель официального перевода. Европейская конвенция ратифицирована Российской Федерацией в 1998 г., положения Конвенции в силу п. 4 ст. 15 Конституции РФ являются частью российской правовой системы, а значит, эти положения применяются на территории РФ при производстве по уголовным делам. Поскольку уголовное судопроизводство в Российской Федерации, согласно ст. 19 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹ (далее — УПК РФ), осуществляется на русском языке, логично считать, что применению подлежит именно официальный перевод текста Конвенции на русский язык.

В контексте нашего исследования рассмотрим п. 3 ст. 6 в иной плоскости — в плане полноты воспроизведения семантики терминов англоязычного текста при его переводе на русский язык. Сразу отметим, что для правильного прочтения и использования терминологии текста Конвенции в официальном переводе ее на русский язык логично использовать слова и выражения, по смыслу приближенные к терминам российского уголовно-процессуального закона и российской правоприменительной практики. Иное неизбежно привело бы к непреодолимым трудностям в применении Конвенции на территории РФ. Для содержательного сопоставительно-аксиологического анализа обоих текстов необходимо учесть еще одно обстоятельство: правовая система страны переводимого языка, т. е. Великобритании, относится к англосаксонской (англо-американской) правовой семье, а правовая система России (страны переводящего языка) — к континентально-европейской (романо-германской) правовой семье.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что английский текст насыщен признаками (терминами), обладающими более широким значением, нежели признаки (термины) переводящего языка. Большинство из них лишены однозначных соответствий. Даже термин *charged* имеет множественное соответствие в русском языке — он может переводиться и как «обвиняемый», и как «обвиненный». В подтверждение приведем дефиницию *charge* (существительного, от которого образовано содержащееся в самом начале п. 3 ст. 6 Конвенции слово *charged*) из оксфордского «Словаря права», где интересующий нас термин определяется через синонимичный ему *accusation: charge n. A formal accusation of a crime* (Martin 1997, 68) («официальное обвинение в преступлении»). Характеристика *charged* в английском варианте приписывается «каждому» (*everyone*) как свершившийся факт, тогда как в русском языке такая двойственность отсутствует и выбирается признак «обвиняемый», имплицитно указывающий, что обвиняемое лицо может оказаться обвиняемым в процессуально-правовом смысле (именно *charged*, или, в еще более смягченной форме, — *defendant*, буквально «подзащитный, защищаемый»), но не обвиненным (англ. *accused*).

¹ Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 1 июня, 2018. <http://www.consultant.ru>.

Если переводить сказанное на язык российского уголовно-процессуального закона, то можно предположить, что английское *charged* из текста Конвенции формально в полной мере относится только к тому лицу, чей процессуальный статус именно так и назван — «обвиняемый». Таковым по действующему российскому уголовно-процессуальному закону считается лицо, в отношении которого принято одно из перечисленных в ст. 47 УПК РФ процессуальных решений — постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт или обвинительное постановление, т. е. тот, кто официально назван обвиняемым в одном из перечисленных документов. Возможность употребления в отношении этого лица термина «обвиненный» как второго равнозначного варианта перевода английского *charged* можно допустить только в том случае, если считать, что органы предварительного расследования вообще вправе именно «обвинить» человека в совершении преступления, а не просто «предъявить обвинение» в силу ст. 171 УПК РФ или в силу законодательных требований к итоговым документам дознания — обвинительному акту и обвинительному постановлению. Эту оговорку требуется сделать в связи с положениями ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ, согласно которым каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным (т. е. *не обвиненным*) до вступления в законную силу приговора суда, а не какого-либо другого властного решения. Однако в том-то и состоит главная проблема, что право, предусмотренное в подп. «а» п. 3 ст. 6 Конвенции, действительно необходимо вовсе не тому человеку, которого уже обвинил и осудил суд, а тому, в отношении которого еще только начинается уголовное преследование, и для того, чтобы от этого преследования активно и осведомленно защищаться. Получается, что фактически английское *charged* в российской правоприменительной практике распространяется не на *обвиненных* (т. е. осужденных судом), а на всех обвиняемых и даже на всех подозреваемых независимо от того, был ли их статус официально оформлен (ср. знаменитое Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова»). Иными словами, минимальным набором прав «обвиняемого в совершении уголовного преступления», предусмотренным в п. 3 ст. 6 Европейской конвенции, может воспользоваться каждый, в отношении кого официально собираются доказательства его причастности к совершению преступления. С этих позиций получается, что термин *charged* официально переведен на русский язык с явным сужением его лексического и юридического значений.

Момент официального приобретения уголовно-процессуального статуса подозреваемого в ст. 46 УПК РФ тоже привязан к одному из четырех прямо названных уголовно-процессуальных решений: постановлению о возбуждении уголовного дела, протоколу задержания, постановлению об избрании меры пресечения до предъявления обвинения или к уведомлению о подозрении. Однако точное системное толкование Конвенции, на наш взгляд, требует признания того, что минимальный набор прав «обвиняемого в совершении уголовного преступления» наступает у него не с момента оформления протокола задержания, а с момента фактического задержания, к которому действующий УПК РФ 2001 г. совершенно обоснованно привязал и момент вступления в уголовное дело защитника (п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). Право на квалифицированную юридическую помощь и в Конвенции названо

в числе минимально необходимых прав обвиняемого в совершении преступления. Подробнее об этом мы скажем чуть ниже, здесь же заметим, что в новейших уголовно-процессуальных научных исследованиях все настойчивее критикуется современное законодательное разграничение процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого (Лизунов 2017, 11; Муравьев 2017, 494), которые уже давно перестали различаться по набору прав, предоставленных российским законодательством.

В этой же строке используется английское *offence* как исходный термин по отношению к русскому понятию «преступление», определяемому в общепотребительном смысле как «общественно опасное действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности» (Ожегов и Шведова 2010, 585), а в специальном уголовно-правовом смысле — как «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Существительное *offence* само по себе вовсе не предполагает преступления, влекущего уголовную ответственность. *Offence* — это любое агрессивное действие (*aggressive action*), рана, нанесенная чувствам (*wounding of the feelings*), правонарушение (*misdemeanor*), противоправный/незаконный акт (*illegal act*) (Sykes 1978, 759). Очевидно, ядерной семьей, т.е. базовой единицей значения, здесь служит «агрессивное правонарушение», но не обязательно влекущее уголовную ответственность. В английском тексте Конвенции для точного обозначения отраслевой принадлежности агрессивного противоправного деяния потребовалось прилагательное *criminal*. В русском же языке буквальный перевод словосочетания *criminal offence* как «уголовное преступление» выглядит нелепо, поскольку по российскому законодательству и по российской правовой традиции преступление может быть только уголовным правонарушением. Тем не менее в официальном русском переводе использовано именно это выражение, не самое удачное в контексте российского уголовного закона.

Что может объединять признаки *nature* и «характер», есть ли в семантике этих, на первый взгляд различных, терминов единый элемент значения (подп. «а» п. 3 ст. 6 Конвенции)? Напомним, что речь идет о существе, содержании уголовно-правовых претензий, имеющихся у государства в отношении человека, которому должен быть предоставлен перечисленный в Конвенции перечень прав при наличии таких претензий (здесь мы сознательно избегаем процессуальных терминов «обвинение» и «подозрение»). Это первая и очень важная составляющая права на защиту, поскольку без знания того, в чем человека подозревают или обвиняют, он не имеет фактической возможности защищаться от чего бы то ни было.

Nature определяется как *person's or animal's innate qualities, thing's essential qualities* (Sykes 1978, 726), т.е. «врожденные качества человека или животного, неотъемлемые качества чего-либо». Сходное определение слова «характер», которым переводится английское *nature*, дается и в русских толковых словарях: «Характер — 1. Совокупность психических, духовных свойств человека, обнаруживающихся в его поведении. 2. Отличительное свойство, особенность, качество чего-нибудь» (Ожегов и Шведова 2010, 862).

Как следует из целого ряда сем, обнаруживаемых при сопоставлении терминов, можно выделить элемент «отличительное, неотъемлемое качество», позволивший использовать термин «характер» для перевода термина *nature*, который все же обладает более широкой семантикой, поскольку одно из его основных значений —

phenomena of material world, these phenomena as a whole («явления материального мира, эти явления в их совокупности») (Sykes 1978, 726), иными словами — «природа». Следовательно, русский перевод в данном случае пользуется признаком более конкретного значения, представляя некий аналог используемого в российском уголовно-процессуальном законе термина «существо предъявленного обвинения» (ч. 5 ст. 172 УПК РФ). Сопоставив сказанное с предыдущим комментарием относительно процессуального статуса лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, заметим, что распространение на российского подозреваемого всех прав, предусмотренных анализируемым положением Конвенции, влечет за собой необходимость разъяснять и подозреваемому существо имеющегося в отношении него подозрения. Согласно п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ российский подозреваемый обладает правом знать, в чем он подозревается, а вот чьей-либо обязанности разъяснить ему существо имеющегося подозрения (по аналогии с такой же обязанностью в отношении обвиняемого) законом прямо не предусмотрено. Подозреваемому лишь вручаются копии процессуальных документов, фиксирующих приобретение им статуса подозреваемого (постановления о возбуждении уголовного дела, протокола задержания и т. д.). Полагаем, что правила Конвенции обязывают российских следователей и дознавателей не только предъявлять эти документы, но и разъяснять подозреваемому существо имеющихся в отношении него подозрений.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, что еще должно быть разъяснено лицу, в отношении которого начинается уголовное преследование, помимо существа (или характера) собственно подозрения или обвинения. В русском официальном переводе сказано, что такое лицо должно быть незамедлительно и подробно уведомлено об «...основании предъявленного ему обвинения». Основания обвинения прямо обозначены в ч. 1 ст. 171 УПК РФ: «...при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления». Однако это вовсе не означает обязанности разъяснять именно доказательства, положенные в основу обвинения. Не случайно в ч. 2 ст. 171 УПК РФ, определяющей содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого, не сказано о необходимости указывать в постановлении доказательства, на которых основано обвинение. Этим постановление о привлечении в качестве обвиняемого принципиально отличается от итогового документа предварительного следствия — обвинительного заключения, в котором, согласно п. 5 ч. 1 ст. 220 УПК РФ, должны содержаться «перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания». В итоговых документах дознания — обвинительном акте (п. 6 ч. 1 ст. 225 УПК РФ) и обвинительном постановлении (ч. 1 ст. 226.7) — тоже должны быть указаны доказательства, подтверждающие обвинение, однако это документы окончательного досудебного производства, тогда как права, предусмотренные ст. 6 Европейской конвенции, имеют гораздо большее значение на ранних этапах начала уголовного преследования. Для дознания характерно предварительное появление фигуры подозреваемого, которому, как уже отмечалось, тоже должны быть разъяснены существо подозрения и, если следовать логике русского официального перевода, основания возникновения этого подозрения. Об основаниях подозрения наиболее четко сказано в ч. 1 ст. 223¹ УПК РФ («Уведомление о подозрении в совершении преступления»): «достаточные данные, дающие основания подозревать лицо в совершении преступления». В самом названном документе

(уведомлении о подозрении), как и в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, указывать сами эти данные закон не требует, что не случайно. Доказательства, собранные на момент привлечения в качестве обвиняемого, в интересах расследования необходимо сохранять в тайне до момента его окончания. В еще большей степени требуется сохранять в тайне данные, предоставившие основания для подозрения, которые, судя по использованной законодателем терминологии, не обязательно являются доказательствами, т. е. сведениями, полученными и проверенными в официальном процессуальном порядке. В любой правовой системе любого государства собирание органами уголовного преследования доказательств, подтверждающих обвинение, и иных сведений, подтверждающих подозрение, до направления доказанного обвинения в суд защищено следственной тайной, охраняемой законом. Этого требуют интересы раскрытия преступлений и защиты прав реальных и потенциальных потерпевших от преступлений, а также свидетелей и всех других людей, которые могут пострадать из-за преждевременного распространения информации о совершенных и готовящихся преступлениях (даже в том случае, если распространенная информация достоверна; если же она недостоверна, негативных последствий может быть гораздо больше). Все сведения, полагаемые в основание подозрения или обвинения в досудебном производстве, по сути своей предварительные, потенциально опровержимые в будущем, и потому преждевременное разглашение их любому заинтересованному лицу — это уже причинение вреда публичным интересам и интересам многих конкретных людей.

В связи со сказанным возникает вопрос: что же представитель государства, осуществляющий уголовное преследование, должен разъяснить подозреваемому или обвиняемому одновременно с характером имеющегося в отношении него подозрения или обвинения? Для ответа на этот вопрос вновь обратимся к англоязычному оригиналу Конвенции. То, что в официальном русском переводе передано словами «основанием предъявленного обвинения», в английском тексте названо словами *cause of the accusation against him* (буквально «причина обвинения против него»). Латинское слово *causa*, от которого произошло англ. *cause*, весьма широко распространено в юридической речи, и его принято переводить именно как «причина». Вводя в официальный русский перевод Конвенции термин «основание», переводчики, как полагаем, стремились максимально приблизить ее текст к привычной российской уголовно-процессуальной терминологии, поскольку данный термин употребляется в отечественном уголовно-процессуальном законе применительно к подавляющему большинству процессуальных действий и решений, тогда как термин «причина» в сколько-нибудь близком значении не употребляется вообще. На наш взгляд, разъяснить причину подозрения или обвинения совершенно не предполагает того, что нужно выложить перед подозреваемым, обвиняемым, их защитниками все имеющиеся у органов расследования доказательства и оперативно-разыскные данные, позволяющие считать конкретных людей причастными к совершению преступления или даже обвинять их в совершении преступлений. Здесь имеется в виду разъяснение того, почему конкретный человек задерживается в конкретном месте в конкретное время (задержание подозреваемого — одно из оснований для появления в деле участника с таким названием), почему именно этому человеку предъявляется это конкретное обвинение с одновременным предложением защищаться от него и т. д., в зависимости от ситуации. Конкретизация

имеющихся подозрений или обвинений, которой, безусловно, требует Конвенция, не означает такой же конкретизации их доказательственной базы. Разъяснять систему положенных в основу обвинения доказательств необходимо только после их полного собирания перед направлением уголовного дела в суд.

В подп. «б» п. 3 ст. 6 Конвенции, где идет речь о времени подготовки к защите, используется термин *adequate*, более общий по сравнению с русским «достаточное». Из трех его значений — *proportionate to the requirements* (пропорциональный требованиям), *sufficient* (достаточный), *satisfactory* (удовлетворительный) (Sykes 1978, 13) — переводчик выбирает значение «достаточный — удовлетворяющий потребностям, необходимым условиям» (Ожегов и Шведова 2010, 177), хотя прямое соответствие «адекватный — вполне соответствующий» (Ожегов и Шведова 2010, 18) было бы не менее уместно и приемлемо, если принять во внимание его широкое значение. Для толкования Конвенции в контексте российской правовой действительности важно использование в ее русском переводе оценочного понятия «достаточное» применительно к определенному отрезку времени. Без подобных понятий не обходится ни один нормативно-правовой акт, равно как и без возможности рассмотрения по поводу толкования подобных понятий немислима никакая властная правоприменительная деятельность. Иными словами, допустимо и нормально, чтобы конкретный властвующий субъект сам определял, сколько времени достаточно подозреваемому или обвиняемому для полноценной подготовки к осуществлению своей защиты. Однако известно, что обвинение обвинению рознь, и то время, которого достаточно для подготовки к защите от одного обвинения, может быть совершенно недостаточно для подготовки к защите от другого. Английский термин латинского происхождения *adequate*, как и его прямой русский аналог «адекватный», предполагает соответствие необходимого времени защиты конкретным условиям предъявления обвинения (или подозрения) и самому предъявленному обвинению, т. е. его объему, сложности и т. д. Если бы в русском переводе Европейской конвенции использовался термин «адекватный», то логично было бы здесь же указать, чему именно время должно было быть адекватно. Поэтому, не предъявляя претензий к официальному русскому переводу, отметим: сторона защиты при отстаивании своих прав со ссылкой на анализируемое положение Конвенции имеет процессуальную возможность доказывать, что время, предоставленное для подготовки к защите по конкретному уголовному делу, не было достаточным ввиду большого объема обвинения, его юридической сложности, необходимости произвести множественные арифметические расчеты, привлечь каких-то узких специалистов для консультаций и т. п. Именно так обычно строится аргументация в описательно-мотивировочных частях решений Европейского суда по правам человека: с опорой на положения национального законодательства, толкуемые в соответствии с их системным смыслом, а также с системным смыслом всех положений Европейской конвенции, государству-ответчику разъясняется, почему его правоохранительные органы или суды действовали вопреки международным стандартам прав человека и правосудия.

Примечательный образец переводческой конкретизации, т. е. использования признака с более узким значением по отношению к признаку исходного варианта, мы находим в подп. «с» п. 3 ст. 6 Конвенции: *through legal assistance* (буквально «через юридическую помощь»). На русский язык эти слова официально переведены

«через посредство... защитника». Обратившись к словарям, мы обнаруживаем, что *legal* означает *based on* (основанный на праве), *falling within province of law* (подпадающий под компетенцию права), *occupied with law* (занятый правом), *recognized by law* (признанный правом) (Sykes 1978, 618), т.е. «юридический», а *assistance* — это *help* (помощь), *act of helping* (акт помощи) (Sykes 1978, 56). В ч. 1 ст. 48 Конституции РФ используются похожие словосочетания («квалифицированная юридическая помощь» и просто «юридическая помощь»), но в ч. 2 этой же статьи применительно к уголовному судопроизводству (т.е. производству по поводу обвинения в совершении преступления) в том же значении употреблен термин «помощь адвоката (защитника)». В данном случае в пояснении нуждаются все использованные номинативные единицы. В российской Конституции как равнозначные употреблены термины «защитник» и «адвокат», что не совсем точно. Защитник — это участник уголовного процесса со стороны защиты, оказывающий квалифицированную юридическую помощь как в досудебном, так и в судебном производстве по уголовному делу подозреваемому, обвиняемому, подсудимому или осужденному (ч. 1 ст. 49 УПК РФ), т.е. лицу, в отношении которого осуществляется или осуществлялось уголовное преследование. Адвокат — это профессиональный юрист, являющийся членом какого-то адвокатского образования, т.е. приобретший статус адвоката, а с ним — и право на оказание квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), в том числе участникам уголовного процесса в качестве их представителя (представителя потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика) или защитника (защитника подозреваемого или обвиняемого, подсудимого или осужденного) на разных этапах производства по уголовному делу. Защитниками по уголовным делам, как правило, выступают адвокаты, исключения из данного правила, хотя и предусмотрены, но, во-первых, довольно редки, а во-вторых, не представляют интереса в контексте настоящего исследования. Такова отечественная правовая традиция с советских времен. По Уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. профессиональная защита по уголовным делам осуществлялась присяжными поверенными и их помощниками, а также частными поверенными. На всех названных лиц в равной степени распространялось наименование «адвокат», поскольку им никакой официальный статус не определялся, и именно так называли любого практикующего профессионального юриста. После Октябрьской революции 1917 г. слово «адвокат» стало относиться в большей степени к бывшим присяжным и частным поверенным и их помощникам, т.е. к так называемым старым буржуазным специалистам, а то и вовсе к представителям «бывшей царской адвокатуры», как их называл М.А. Чельцов (Чельцов 1951, 109). В первых советских уголовно-процессуальных кодексах 1922 и 1923 гг. круг лиц, допускаемых в качестве защитников, почти безграничен, а официальные объединения профессиональных защитников так и называются — «коллегии защитников» (Лазарева и Хачатуров 2016, 32). При любых наименованиях и при любых организационных формах оказания квалифицированной правовой помощи лицам, подвергающимся уголовному преследованию, в российской правовой традиции эта помощь оказывалась одними и теми же лицами как до и вне суда, так и в судебном разбирательстве по уголовным делам. В странах континентально-европейской семьи действовало и действует в целом схожее

правило. В англосаксонской правовой семье традиции несколько иные, что, на наш взгляд, отражено в англоязычном оригинале Европейской конвенции.

Терминологическое сочетание *legal assistance* в оксфордском «Словаре права» описывается следующим образом: [*it*] is intended to provide payment for legal help preliminary to litigation (буквально «предназначена для оплаты за услуги юридической помощи до судебного разбирательства») (Martin 1997, 263). Этот термин используется как синоним *green form* (зеленый бланк): *the form upon which an application for legal advice and assistance is made. The form is completed by the client with the assistance of his solicitor* (форма, которая подается в качестве заявления на юридическую помощь. Форма заполняется клиентом с помощью солиситора (стряпчего)) (Martin 1997, 205). В словарных дефинициях ни слова не говорится о защитнике или адвокате, речь идет о финансовой поддержке, заявление на которую помогает оформить солиситор, практикующий специалист в области права, допущенный к практике в соответствии с Законом о солиситорах 1974 г. (*solicitor — a legal practitioner admitted to practice under the provisions of the Solicitors Act 1974*). И только в конце словарной статьи дается замечание-оговорка: *They have rights of audience in the lower courts but may not act in the Supreme Court* (Они могут выступать в качестве адвокатов лишь в судах низшей инстанции) (Martin 1997, 436). Собственно судебный адвокат в Англии и Уэльсе именуется барристером (*barrister*), он имеет иной официальный статус, более высокий уровень профессиональной квалификации, судебный опыт ведения дел в интересах разных клиентов, в том числе обвиняемых в совершении преступлений. Для российской традиции деление профессиональных правозащитников на досудебных и судебных (т. е. на солиситоров и барристеров) не характерно в силу особенностей системы уголовного процесса: собственно уголовно-процессуальная деятельность осуществляется как в судебном разбирательстве по уголовному делу по существу, так и до него. Именно поэтому термином «защита» охватывается вся деятельность адвоката по защите прав и интересов лиц, подвергающихся уголовному преследованию, и по оказанию им любой юридической помощи.

Наблюдаемое в переводе Конвенции регулярное соответствие терминов *legal assistance* и «защитник» можно расценивать как еще один пример переводческой конкретизации, основанной на фоновых знаниях лица, выполнявшего перевод: вся квалифицированная юридическая помощь, оказываемая подозреваемому, обвиняемому и подсудимому в российском уголовном процессе, сводится к помощи, предоставляемой защитником и охватывается единым понятием защиты. Также необходимо учитывать, что и в англоязычных странах *legal assistance* — это не только помощь защитника по уголовному делу, но и целый ряд иных действий и услуг профессионального юриста. Термин *legal assistance* выступает в качестве так называемого зонтичного термина (*umbrella term*), охватывающего понятия, прямо не названные, но безусловно подразумевающиеся при каждом употреблении термина. Действительно, если бы под *legal assistance* в англоязычном оригинале Конвенции понималась исключительно работа защитника, то это было бы эксплицировано в английском тексте так, как в п. «е» — *assistance of an interpreter* (буквально «помощь переводчика»), что выражает мысль о конкретной помощи конкретного специалиста-переводчика. Если бы в данном контексте использовался термин с широким значением, то это, несомненно, был бы термин *linguistic assistance* (лингви-

стическая помощь), указывающий не на то, кем данная помощь оказывается, а на то, какая она. Такая (т. е. лингвистическая) помощь подразумевала бы как работу специалиста в области перевода, так и иные виды помощи, связанные с использованием языка, которым обвиняемый не владеет, но не связанные с собственно процедурами производства по уголовному делу: разъяснение культурных традиций страны переводящего языка, особенностей бытового общения с ее представителями, преодоления трудностей при социальной адаптации в чужой стране, обусловленных незнанием языка, и т. д. Эта переводческая аналогия приведена здесь для того, чтобы подчеркнуть: перевод английского термина *through legal assistance* (буквально «через юридическую помощь») термином «через посредство защитника» предполагает довольно заметную условность и в употреблении обоих терминов, и в толковании обозначенных ими юридических понятий.

Для русского официального перевода такое расширительное понимание словосочетания «через посредство избранного им самим защитника» не характерно, оно подразумевает только собственно защитительную деятельность по уголовному делу в рамках уголовно-процессуальных прав и обязанностей защитника, круг которых достаточно широк, даже безграничен. В ст. 53 УПК РФ («Полномочия защитника»), после перечня конкретных процессуальных прав, в п. 11 содержится положение, делающее данный перечень открытым: «использовать иные не запрещенные настоящим Кодексом средства и способы защиты». Однако в любом случае это защита в рамках производства по уголовному делу, в связи с чем возникает сугубо практический вопрос: обязан ли российский адвокат, приглашенный или назначенный защитником по уголовному делу, защищать иные, не связанные с уголовным делом права и законные интересы своего подзащитного? Привлечением к участию в уголовном деле в качестве подозреваемого или обвиняемого не исчерпывается и не заканчивается жизнь человека. Вне уголовного дела существуют его семейные, имущественные, трудовые правоотношения, ведется бизнес. Иногда в связи с уголовным делом разрушаются семьи, расторгаются трудовые и гражданско-правовые договоры, происходит много других правовых событий, требующих участия подозреваемого или обвиняемого и квалифицированной юридической помощи. Едва ли надо специально доказывать, что такие события способны весьма существенно влиять и на поведение подозреваемого или обвиняемого в процессе расследования и судебного разбирательства по уголовному делу. Значит, подобное влияние прямо связано и с качеством осуществляемой защиты, требующей постоянного продуктивного и доверительного контакта между защитником и подзащитным. Заметим также, что участие в уголовном деле для подозреваемого или обвиняемого связано с существенным ограничением его возможностей в поиске других юристов, тогда как со своим защитником по уголовному делу он общается постоянно и на конфиденциальной основе. Таким образом, в реальной действительности, хотя и не в 100 % случаев, защитник по уголовному делу является юристом, оказывающим юридическую помощь своему подзащитному и вне рамок данного уголовного дела. В адвокатской практике одного из авторов настоящей статьи было уголовное дело, по которому родственники подзащитного несовершеннолетнего обвиняемого, первоначально проявившие живое участие в судьбе оступившегося подростка и неоднократно встречавшиеся с адвокатом, впоследствии начали совершать действия по отчуждению квартиры, находящейся в собственности подростка. Прямого от-

ношения к уголовному делу ни квартира, ни даже нарушаемые жилищные права несовершеннолетнего не имели. Однако защитник счел своим профессиональным долгом предотвращение действий, направленных против его подзащитного. Полагаем, что российский термин «защитник» позволяет толковать его значение более широко по сравнению с российским же наименованием участника уголовного процесса «защитник» (ст. 49 УПК РФ), т. е. дает возможность употреблять в более общем значении — «правозащитник». Думается, по той же причине германский адвокат называется *Rechtsanwalt* (буквально «правозащитник»): профессиональный долг адвоката в любой стране — защищать права человека, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью. Условия оказания этой помощи, в том числе финансовые, могут варьироваться, однако общая правозащитная направленность адвокатской деятельности одинакова во всех правовых системах.

3. Выводы. Сопоставительно-аксиологический анализ показал, что перевод документов — это прежде всего контекстуальная рекреация (пересоздание) смысла документа (ср.: Kim and Matthiessen 2017, 19). Перевод англоязычного оригинала Европейской конвенции на русский язык неизменно сопровождается трансформацией используемых в Конвенции терминов и понятий в те, которые характерны для российского законодательства.

Юрико-лингвистический анализ подобных трансформаций позволяет выявить резервы для толкования как самого текста Конвенции, так и тех правовых терминов и понятий, которые используются в юридических документах стран и переводимого, и переводящего языков. Используемые в Конвенции термины и понятия подлежат толкованию в контексте не только самих этих документов и их официальных переводов, но и всей правовой системы соответствующих государств.

Результаты сравнительно-правового толкования международных стандартов прав человека и правосудия могут быть использованы для совершенствования отечественной правотворческой, правоприменительной и правозащитной практики.

Проблема точности перевода юридических терминов с одного языка на другой заслуживает комплексного междисциплинарного анализа со стороны юристов и филологов.

Библиография

- Комиссаров, Вилен Н. 1990. *Теория перевода*. М.: Высшая школа.
- Лазарева, Валентина А., Рудольф Л. Хачатуров. 2016. *Памятники российского права. Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР*. М.: Юрлитинформ.
- Лизунов, Алексей С. 2017. *Доследственная проверка как часть досудебного производства*. Дис. ... канд. юрид. наук, Нижегородская академия МВД России.
- Муравьев, Кирилл В. 2017. *Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона*. Дис. ... д-ра юрид. наук, Омская академия МВД России.
- Ожегов, Сергей И., Наталия Ю. Шведова. 2010. *Толковый словарь русского языка*. М.: А ТЕМП.
- Чельцов, Михаил А. 1951. *Советский уголовный процесс*. М.: Госюриздат.
- Colina, Sonia. 2013. "Assessment of Translation". *The Encyclopedia of Applied Linguistics*. Ed. by A. Carol, 245–251. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
- Kang, Ji-Hae. 2017. "Conflicting Discourse of Translation Assessment and the Discourse Construction of the Assessor Role in Cyberspace". *Benjamins Current Topics* 94: 131–148.

- Kim, Mira, Christian M. I. M. Matthiessen. 2017. "Ways to Move forward in Translation Studies". *Benjamins Current Topics* 94: 11–26.
- Martin, Elizabeth A. 1997. *A Dictionary of Law*. Oxford: Oxford University Press.
- Martin, John R., Peter R. R. White. 2005. *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. London: Palgrave.
- Mellinger, Christopher D. 2017. "Equal Access to the Courts in Translation: A Corpus-Driven Study on Translation Shifts in Waivers of Counsel". *Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice* 25(2): 308–322.
- Munday, Jeremy. 2012. *Evaluation in Translation. Critical Points of Translator Decision-Making*. Abingdon: Routledge.
- Öner, Senem, Ayşe Banu Karadag. 2016. "Lawmaking through Translation: 'Translating' Crimes and Punishments". *Perspectives: Studies in Translatology* 24(2): 319–338.
- Qian, Hong. 2012. "Investigating Translators' Positioning via the Appraisal Theory: A Case Study of the Q and A Part of a Speech by the US Vice President Cheney". *Sino-US English Teaching* 9 (12): 1775–1787.
- Sykes, John B. 1978. *The Concise Oxford Dictionary*. Oxford: Clarendon Press.

Статья поступила в редакцию 7 июня 2018 г.;
рекомендована в печать 15 февраля 2019 г.

Контактная информация:

Тарасов Александр Алексеевич — д-р юрид. наук, проф.; aatar@mail.ru
Хайруллин Владимир Ихсанович — д-р филолог. наук, проф.; vladimir-bl@mail.ru
Шарипова Алия Рашитовна — канд. юрид. наук, доц.; Nord-wind23@mail.ru

International standards of the defendant's legal status and the problem of legal terminology translation

A. A. Tarasov, V. I. Khairoulline, A. R. Sharipova

Bashkir State University, Institute of Law,
131, Dostoevskogo ul., Ufa, 450005, Russian Federation

For citation: Tarasov, Alexander A., Vladimir I. Khairoulline, Aliya R. Sharipova. 2019. "International standards of the defendant's legal status and the problem of legal terminology transference in translation". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 260–273. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.205>

A comparative analysis of the European Convention English and its official Russian variants, as well as the text of the Russian criminal procedure law and the accepted theoretical understanding of European Convention notions and terms, allows us to reveal extra possibilities for comprehending the systemic sense of the international standards of human rights and justice. The European Convention describes a prosecuted person as someone charged and who has a minimum set of rights. The official Russian translation uses the term обвиняемый, although the minimum of rights stretches to cover not only the Russian обвиняемый/a accused person (article 47 of the Russian Federation Criminal Procedure Code), but also the suspect as well (article 46 of the Russian Federation Criminal Procedure Code). In this case, the Russian translation offers a narrower meaning to the term used in the Convention. Nonetheless, the systemic sense requires a broader interpretation of the term and of the array of rights of the Russian suspect and corresponding duties of law enforcement bodies. In other cases, the Russian translation employs terms with a broader meaning compared to the analogous English terms; for example, the Russian word combination через посредство защитника possesses a broader meaning than the English *through legal assistance*. The analysis of the literal translation of the text of the European Convention may be useful not only for the

correct interpretation of its provisions, but also for the practice of protection in criminal cases in the context of modern Russian legal reality.

Keywords: defendant, charged, suspect, defender, defence, charge, suspicion, qualified legal assistance.

References

- Chel'tsov, Mikhail A. 1951. *Sovetskii ugovolnyi protsess* [Soviet criminal procedure]. Moscow: Gosizurizdat Publ. (In Russian).
- Colina, Sonia. 2013. "Assessment of Translation". *The Encyclopedia of Applied Linguistics*. Ed. by A. Carol, 245–251. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
- Kang, Ji-Hae. 2017. "Conflicting Discourse of Translation Assessment and the Discourse Construction of the Assessor Role in Cyberspace". *Benjamins Current Topics* 94: 131–148.
- Kim, Mira, Christian M. I. M. Matthiessen. 2017. "Ways to Move forward in Translation Studies". *Benjamins Current Topics* 94: 11–26.
- Komissarov, Vilen N. 1990. *Teoriia perevoda* [Translation theory]. Moscow: Vysshiaia shkola Publ. (In Russian).
- Lazareva, Valentina A., Rudolf L. Khachaturov. 2016. *Pamiatniki rossiiskogo prava. Ugolovno-protsessual'nye kodeksy RSFSR* [Records of Russian law. RSFSR Criminal Procedure Codes]. Moscow: JurLitinform Publ. (In Russian).
- Lizunov, Aleksei S. 2017. *Dosledstvennaia proverka kak chast' dosudebnogo proizvodstva* [Preliminary inquiry as a part of pre-trial proceedings]. PhD in Law Thesis, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia. (In Russian).
- Martin, Elizabeth A. 1997. *A Dictionary of Law*. Oxford: Oxford University Press.
- Martin, John R., Peter R. R. White. 2005. *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. London: Palgrave.
- Mellinger, Christopher D. 2017. "Equal Access to the Courts in Translation: A Corpus-Driven Study on Translation Shifts in Waivers of Counsel". *Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice* 25(2): 308–322.
- Munday, Jeremy. 2012. *Evaluation in Translation. Critical Points of Translator Decision-Making*. Abingdon: Routledge.
- Murav'ev, Kirill V. 2017. *Optimizatsiia ugovolnogo protsessa kak formy primeneniia ugovolnogo zakona* [Criminal procedure optimization as a form of criminal law application]. PhD in Law Thesis, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia. (In Russian).
- Öner, Senem, Ayse Banu Karadag. 2016. "Lawmaking through Translation: 'Translating' Crimes and Punishments". *Perspectives: Studies in Translatology* 24(2): 319–338.
- Ozhegov, Sergei I., Nataliia Iu. Shvedova. 2010. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Russian definition dictionary]. Moscow: A TEMP Publ. (In Russian).
- Qian, Hong. 2012. "Investigating Translators' Positioning via the Appraisal Theory: A Case Study of the Q and A Part of a Speech by the US Vice President Cheney". *Sino-US English Teaching* 9 (12): 1775–1787.
- Sykes, John B. 1978. *The Concise Oxford Dictionary*. Oxford: Clarendon Press.

Received: June 7, 2018
Accepted: February 15, 2019

Author's information:

Alexander A. Tarasov — Dr. Sci. in Law, professor; aatar@mail.ru
Vladimir I. Khairoulline — Dr. Sci. in Philology, professor; vladimir-blt@mail.ru
Alia R. Sharipova — PhD, associate professor; Nord-wind23@mail.ru